

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.74:329

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-108-119

Партийная система современной России: институциональные рамки и общественная легитимация

Наталья М. Великая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalivelikaya@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется эволюция партийно-политической системы России в контексте трансформации политического режима. Автор показывает, что институциональные рамки партийной системы задавались государством, меняясь практически в каждом электоральном цикле, что привело к созданию высоко-фрагментированного и нестабильного политического ландшафта, где партии не являются значимым политическим актором в силу слабого влияния на государственную политику, но выполняют функцию легитимации политического режима. Анализируется тенденция ослабления парламентской оппозиции, что неизбежно ведет к актуализации несистемных оппозиционных политических движений и инициатив. Обосновывается, что партофобия граждан, проявляющаяся в низком уровне политического участия, в низком рейтинге доверия к политическим партиям в общественном мнении является следствием слабости политических партий как политических институтов и их декоративного характера.

Ключевые слова: партия, политическая система, политический режим, оппозиция, политическое участие, электоральный процесс

Для цитирования: Великая Н.М. Партийная система современной России: институциональные рамки и общественная легитимация // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 108-119. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-108-119

Party system of modern Russia: institutional frames and public legitimization

Nataliya M. Velikaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, natalivelikaya@gmail.com*

Abstract. The paper analyses evolution of the party system in Russia in the context of transforming politic regime. I show that institutional frames of party system were initially determined by the state power and had been changed insensibly in every electoral circle, which led to highly fragmented and non-stable political landscape, where parties are not significant political actors. The parties don't transform state policy but play important role of legitimization of political regime. The tendency of the atrophy of parliamentary opposition is also analyzed and it is shown how it provokes movements and initiatives of emerging non-system opposition. I prove that party-phobia of Russian citizens apparent in low level of political participation and of trust to the parties in public opinion follows from the weakness of political parties as political institutions and of its decorative character.

Keywords: party, political system, political regime, opposition, political participation, electoral process

For citation: Velikaya NM. Party system of modern Russia: institutional frames and public legitimization. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series.* 2019;1:108-119. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-108-119

Введение

Сущностный характер партийной системы не может быть рассмотрен вне контекста содержания и хода политического процесса и особенностей функционирования политического режима. При квалификации политического режима в России своеобразной точкой отсчета стали те концепции (о демократии, о транзите), которые описывают переходные режимы в терминах «гибридность» [1, 2], как системы, которые в ходе политических трансформаций на шкале «демократия–недемократия» находятся где-то посередине. По мнению Карозерса, «зависание» в середине пути может быть как следствием бесформенного плюрализма, так и доминирования определенной политической силы, в том числе в лице партии или группы интересов [3 с. 9–10]. В этом смысле эволюция и состояние партийной системы важный – индикатор демократии и возможностей устойчивого развития общества.

Партии и новый авторитаризм

После начала третьего срока Путина, показательных процессов против участников ряда протестных акций, разгрома движения за реформы и присоединения Крыма многие политологи и публицисты, считавшие до этого, что Россия продолжает переживать «демократический транзит», пришли к выводу, что политический режим Путина перешел в состояние стагнирующего авторитаризма и теперь не реформируем. Именно этой логикой руководствуется Г. Голосов [4], который считает нецелесообразным употребление термина «гибридный» по отношению к России, учитывая, что он может быть описан с помощью более точных понятий – например, «электоральный авторитаризм», или Нисневич и Рябов, указывающие на целый набор авторитарных тенденций при анализе российской современной политической системы [5].

В отличие от традиционных авторитарных диктатур, неоавторитарные режимы отличаются большей гибкостью, нередко позиционируют себя в качестве сторонников универсальных ценностей прав человека, утверждают, что в своей политике ориентируются на общепринятые демократические стандарты и используют различные демократические институты для легитимизации [6]. Партийная система в неоавторитарных режимах приобретает тоже гибридный характер, либо частично реализуя свои функции, либо подменяя собой некоторые другие политические субъекты.

Россия, практически не имевшая позитивного опыта парламентаризма, строила свою политическую систему на двух разных основаниях. С одной стороны, это была попытка имитировать опыт развитых демократий и адаптировать западные институты к российской реальности. С другой стороны, элитные группы после удачно проведенной приватизации были заинтересованы в удержании власти в целях исключения передела собственности в дальнейшем. Итогом этого противоречивого конструирования стало формирование персоналистского режима с элементами корпоративности, где доминантой выступает институт президентской власти, что соответствует представлениям российского общества об оптимальной политической модели. Персоналистское восприятие политической власти глубоко укоренено в политической культуре России. 20% граждан России убеждены, что России нужны не партии, а лидеры. А треть наших сограждан считают, что России нужна только одна партия, но всенародная и находящаяся у власти.

В России формировался политический режим с устойчиво ограниченной ролью партий [7 с. 102], где властные структуры регулярно меняли законодательство и хорошо освоили технологии предвыборной борьбы. Практически каждый электоральный цикл

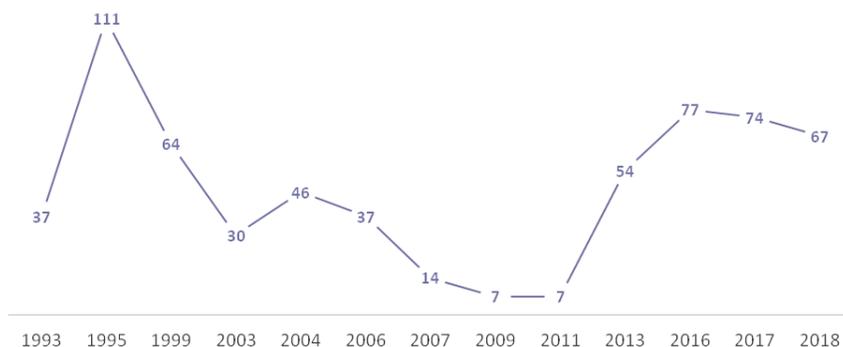

Рис. 2. Количество зарегистрированных партий РФ по годам
Источник: Министерство юстиции РФ. Список зарегистрированных политических партий [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения 20 нояб. 2018).

федеральный законодатель устанавливал новые правила игры для участников политического процесса. За период с конца 1988 г. по июнь 2017 г. в избирательное законодательство и закон о политических партиях вносили 151 изменение [8], которые касались правил регистрации партий, новых проходных барьеров для партий, экспериментов с мажоритарной, пропорциональной и смешанной избирательной системами, отмены графы «против всех», отказа от прямых выборов губернаторов и т. д. Все это не только ограничивало возможности развития партийной демократии, вело к постоянным пертурбациям в партийной системе, но и сокращало поле публичной политики, лишало граждан возможности участвовать в нормальном политическом процессе даже посредством выборов, которых в стране становится все меньше и меньше. Как результат партийный ландшафт в России сохраняет мозаичный, неравномерный и подвижный характер (см. рис. 2).

Такая неравномерная активность в сфере партстроительства определялась не столько объективными условиями партогенеза, сколько институциональными рамками, задаваемыми властью. Мы можем выделить несколько этапов партийного строительства. Первый этап – до 1999 г. – характеризовался достаточно высокой политической активностью, в том числе в плане создания различных избирательных объединений. Фрагментация партийного спектра затрудняла и вводила в заблуждение рядового избирателя, не готового делать выбор, например, между четырьмя коммунистическими и двумя социал-демократическими партиями и множественными избирательными объединениями.

Второй этап партстроительства определялся ФЗ «О политических партиях», который был принят 11 июля 2001 г., через одиннадцать лет после первых альтернативных выборов, и закрепил право участвовать в выборах только за политическими партиями. Чтобы получить статус партии, необходимо было иметь минимальную численность в 10 тыс. членов и региональные отделения не менее чем в половине субъектов федерации. На этом этапе приоритет в партстроительстве стали получать не идеологические основания, а политтехнологические. Как результат, партийная система во многом представлена т. н. партиями Садового кольца, не имеющими реальной социальной базы, но обладающими ресурсами, чтобы проводить избирательную кампанию.

Второй срок Путина сопровождался централизацией власти и курсом на отказ от разделения властей; наметилась политика ограничения свободы слова, поддерживалась унификация информационной политики телеканалов и превращение их в инструмент государственной пропаганды; ограничивались права на митинги и демонстрации, на создание партий и общественных организаций; принято новое законодательство о партиях и выборах. ФЗ «О политических партиях» 2005 г. дал старт новому этапу в становлении партийной системы. Необходимый минимум численности партий был установлен в 50 тыс., а количество членов партии в региональных отделениях не должно быть менее пятисот человек в минимум половине субъектов РФ. По итогам перерегистрации к 2009 г. в России осталось только семь зарегистрированных партий, что дает нам основание назвать этот период *«деградацией партийной системы»*, связанной с принудительным укрупнением и объединением немажоритарных партий в крупные и условно массовые. Это третий этап.

Четвертый этап был связан с либерализацией законодательства о партиях и выборах в 2012 г. и возврату к мультипартийной фрагментированной системе: был упрощен порядок регистрации партий и установлена минимальная численность в 500 человек, был отменен сбор подписей для участия в выборах в Государственную Думу и в региональные законодательные органы для непарламентских партий, что, конечно, дало новый импульс активизации избирательной активности вновь регистрируемых политических партий, в том числе тех, кто претендовал на роль оппозиции; было сокращено количество подписей избирателей, необходимых для участия кандидата в выборах Президента РФ до 300 тыс., а для кандидатов от непарламентских партий – до 100 тыс.

При этом режим наибольшего благоприятствования создавался для так называемой партии власти, попытки создать которые предпринимались в России с 1990-х гг. Разнообразные движения под-

держки президента Ельцина в 1991–1993; блок «Выбор России» в 1993–1994; «Наш дом Россия» в 1995–1999; «Отечество – вся Россия» в 1999, однако в условиях еще относительно конкурентного политического процесса их успехи не были столь впечатляющими. Образовавшаяся в 2001 г. «Единая Россия», получив в 2003 г. 37,57%, в 2007 г. удвоила свой результат (64,30%), а в 2011 г. в условиях смешанной избирательной системы по партийным спискам «партия власти» набрала 49,32%, компенсировав низкий результат победами в одномандатных округах. В течение всего трех электоральных циклов была создана *моноцентричная партийная система*, где другие партии последовательно вытеснялись из участия в избирательном процессе как легальными (путем создания высоких проходных барьеров, сложностей с регистрацией партией, проблем с регистрациями в качестве участников выборов и т. д.), так и нелегальными способами (ограничения доступа к СМИ, применение технологий развала списков или вынуждение кандидатов отказаться от участия в кампании, вплоть до открытых угроз).

Несмотря на изменение общей численности зарегистрированных и участвующих в выборах партий, в Государственную Думу последних четырех созывов (с 2003 г.) проходили только 4 политические партии, а количество эффективных [9] политических партий сократилось с 7,8 в 2001 до 1,9 в 2016 г.

Таблица 1

Динамика участия партий
в выборах в Государственную Думу

Год	Число зарегистрированных партий	Число партий, участвующих в выборах в Госдуму	Число партий, прошедших в Госдуму	Явка, %
1993	37	13	8	54,81
1995	111	43	4	64,76
1999	64	28	6	61,85
2003	30	23	4	55,67
2007	14	11	4	63,78
2011	7	7	4	60,21
2016	74	14	4	47,88

Источник: Центральная избирательная комиссия РФ (ЦИК РФ). Архив избирательных кампаний и кампаний референдумов [Электронный ресурс]. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/ (дата обращения 20 нояб. 2018).

При этом политическое представительство парламентской оппозиции неуклонно снижалось: сегодня представители шести партий имеют всего 107 мест в Думе, из них две партии (Партия Роста и Родина – по одному мандату). Очевидно, что в наиболее уязвимой ситуации оказались правые демократические партии, которые, потерпев поражение еще на выборах 2003 г., так и не смогли восстановить свои позиции.

Таблица 2

Фракции Государственной Думы РФ
(количество мест из 450)

Партия	2007	2011	2016
Единая Россия	315	238	343
КПРФ	57	92	42
ЛДПР	40	56	39
Справедливая Россия	38	64	23
Другие партии			3

Источник: Государственная Дума РФ. Официальный сайт ГД РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/duma/factions/> (дата обращения 20 нояб. 2018).

Столь же невелико представительство других партий и в региональных законодательных собраниях. Объем полномочий нашего парламента по индексу Фиша составляет 0,44, что сопоставимо с потенциалом парламентов среднеазиатских автократий. При таком объеме полномочий парламент превращается в придаток исполнительной власти, утверждающий предложения президента и правительства. Мы бы назвали эту модель «ограниченной партийностью», где партийный парламент формально противостоит беспартийному правительству в силу принципа разделения властей, а фактически, парламентское большинство, правительство, администрация президента – порочно едины. Никаких рычагов, чтобы снять правительство или повлиять на его деятельность, у парламента нет.

Закономерно, что количество наших сограждан, которые видели в деятельности оппозиции больше положительного, постоянно сокращалось и упало с 17% в 2004 г. до 7% в 2014 г. [10]. Партии, являясь постоянным объектом манипуляций со стороны власти, превратились в самый недееспособный институт российской политики. По итогам мониторинга ИСПИ РАН, проводимого с 1995 г., рейтинг доверия к политическим, социальным институ-

там и структурам в июне 2017 г. демонстрирует, что самый низкий уровень доверия имеют политические партии (15%) и парламент (19%). Для сравнения, президенту доверяют 68% опрошенных, церкви – 45%, правительству РФ – 40%, руководителю регионов – 29%. Достаточно высокий уровень доверия президенту и органам исполнительной власти демонстрирует не просто лояльность населения существующему курсу, но на фоне общей пассивности населения подтверждает мысль, что современные авторитарные режимы на этом держатся. При высоком уровне доверия и одобрения, они не подкрепляются конкретными действиями. Пассивность – базовая характеристика населения современной России, что подтверждается и данными Европейского социального исследования (ESS). В России в полной мере проявились т. н. партофобия, которая выражается в низком уровне политического участия и в негативистском отношении к партиям как политическим институтам. На протяжении последних 10 лет не более 3–6% россиян принимали участие в работе политической партии, группы или движения.

В неконкурентных политических режимах не только ограничиваются легальные рамки регистрации и функционирования партий, но и не создаются условия для открытого и конкурентного процесса. На последних выборах в ГД в 2016 г. сложилась уникальная ситуация, когда в 13 субъектах средняя явка почти вдвое превысила среднюю же явку в остальных 72 регионах, что позволяет говорить о серьезных нарушениях избирательного процесса¹. Специфика организации избирательного процесса, многочисленные подозрения в фальсификациях не только вынуждают представителей разных политических партий предпринимать определенные действия – от обращений в суд до выходов на площади, но, что гораздо важнее для общества, формируют убеждение, что результаты любых выборов можно сфальсифицировать, и сейчас это происходит в пользу «ЕР». В этих условиях оппозиция становится декоративным элементом, и возможность ее прихода к власти почти не просматривается в силу отсутствия условий для возникновения дееспособной оппозиции. Более того, власть пытается внушить обществу, что любая политическая оппозиция, которая задает власти жесткие вопросы – является врагом России, все делает за инос-

¹ В числе лидеров по явке – Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская республики, Мордовия, Северная Осетия, Татарстан, Тыва, Чеченская республика, Кемеровская и Тюменская области, Ямало-Ненецкий автономный округ, в которых за «Единую Россию» свои голоса отдали 81,4% избирателей, что аномально даже для конкурентного авторитаризма.

транные деньги и хочет устроить оранжевую революцию. И общество в это свято верит. В публичном дискурсе, в СМИ преобладают негативные трактовки этого термина. В 2014 г. только 36% наших сограждан считали, что в России существует политическая оппозиция, 27% были уверены, что ее нет. Число тех, кто считает, что в нашей стране оппозиции не существует, выросло с 19% в 2007 г. до 30% в 2013 [10].

Процесс вызревания оппозиции, превращения ее в значимый элемент политической системы – долгий и неоднозначный процесс, тем более что гибридные режимы используют разные способы ослабления и контроля за оппозицией. В России используются: возведение дополнительных институциональных барьеров (в виде сложностей регистрации и высоких проходных барьеров); ограничение доступа к СМИ; манипуляции во время хода голосования; репрессивные действия, направленные на лидеров оппозиционных движений. Партийное строительство, в том виде, как оно было задано институциональными рамками, привело к формированию своеобразной квази-партийной системы, где партии не могут считаться значимыми акторами политического процесса. В этой системе партия власти – не правящая партия, а инструмент мобилизации электоральной поддержки правящей элиты, кадровый резерв для административного аппарата, отбирающего людей, лояльных режиму. А оппозиция (прежде всего парламентская) служит дополнительной поддержкой режиму, обеспечивая легитимность выборов, привлекая на избирательные участки свой традиционный электорат и выступая буфером, который гасит политические и социальные конфликты. Реальной альтернативой действующему курсу эта оппозиция не является. Неслучайно знаковые законопроекты принимаются в Думе не только на основе парламентского большинства партии власти, но и благодаря представителям других фракций. Как результат рейтинги поддержки парламентских партий невелики: по данным очередной волны мониторинга ИСПИ РАН «Как живешь, Россия?» от 2017 г., 32% россиян не поддерживают ни одну из существующих партий, 10% затруднились ответить на вопрос о партийных предпочтениях [11 с. 140–155]. «Единую Россию» поддерживали 21% граждан, КПРФ и ЛДПР – 10% и 9% соответственно. Значения рейтинга остальных политических партий незначительны [11 с. 160]

Интересно, что в рамках последнего электорального цикла новые партии стали отнимать голоса в первую очередь у парламентской оппозиции. На выборах городской Думы Липецка «Коммунисты России» получили 9,62% голосов, КПРФ – 13,02%, «Российская партия пенсионеров за справедливость» (РППС) – 10,07%, Справедливая Россия (СР) – 6,78%. В Орловском горсо-

вете РППС набрала 4,66%, СР – 4,9%. Во Владимирском горсовете РППС набрала 5,53%, СР – 8,73%. Однако участие пары десятков политических партий в избирательных кампаниях регионального и местного уровня пока не дает оснований рассчитывать на эволюции режима в сторону конкурентности.

Заключение

Ослабление легальной и парламентской оппозиции неизбежно ведет к усилению протестных движений, которые мы можем назвать несистемными в силу их однозначно негативного отношения к действующему политическому режиму. Однако если говорить о формальных институтах и о перспективах оппозиции парламентской, то несмотря на ее «декоративность», вряд ли стоит рассчитывать на появление других серьезных игроков в политическом пространстве. Отчасти потому, что действующую власть вполне устраивает сложившийся расклад сил, где каждому игроку отведено свое место и нет смысла разрушать сложившийся баланс сил введением новых акторов, отчасти и потому, что новые партии используются как противовес и механизм для минимизации результатов системных парламентских партий. Можно констатировать, что пока в России не сформировались значимые институты гражданского общества, которые могли бы противостоять понижению конкурентности политической системы. Слабые политические партии довольно быстро были опутаны жесткими нормативами и пока остаются своеобразными симулякрами политической системы, не имея существенной поддержки массовых групп населения.

Литература

1. Шакирова Э.В. Концепт гибридного политического режима в современной политологии как аналитическая рамка анализа российской политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6. Ч. 2. С. 203–210.
2. Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman-London: University of Oklahoma Press, 1991.
3. Carothers T. The end of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. USA: Johns Hopkins University Press, 2002. Vol. 13. No. 1. P. 5–21.
4. Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. Выборы и политическая система. 2008. № 1. С. 22–35.
5. Нисневич Ю., Рябов А. Современный авторитаризм и политическая идеология // ПОЛИС. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162–181.

6. Levitsky S., Way L. A. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
7. Макаренко Б. И., Локшин И. М. Современные партийные системы: сценарии эволюции и тенденции развития // ПОЛИС. Политические исследования. 2015. № 3. С. 85–109.
8. Голос: Хроника законодательства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golosinfo.org/timeline/> (дата обращения 05 мая 2018).
9. Гельман В. Трансформация российской политической системы // ПОЛИТ.RU. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2008/03/14/gelman/> (дата обращения 20 нояб. 2018).
10. ФОМ. Источник данных: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 19 октября 2014 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, n=1500. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6% [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Politika/11785> (дата обращения 20 нояб. 2018).
11. Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2017–2018 гг. Коллективная монография / Под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. М.: ИСПИ РАН, 2018.

References

1. Shakirova EV. The concept of a hybrid political regime in modern political science as an analytical framework for the analysis of Russian policy. *Historical, philosophical, political and legal studies, cultural studies and art criticism. Questions of the theory and practice*. 2013;6. P. 2: 203-10. (In Russ.)
2. Huntington SP. *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman-London: University of Oklahoma Press, 1991.
3. Carothers T. The end of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*. USA: Johns Hopkins University Press, 2002;13(1):5-21.
4. Golosov G. Electoral authoritarianism in Russia. *Pro et Contra. Election and political system*. 2008;1:22-35. (In Russ.)
5. Nisnevich Yu., Ryabov A. Modern authoritarianism and political ideology. *POLIS. Political Studies*. 2016;4:162-81. (In Russ.)
6. Levitsky S., Way L. *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
7. Makarenko B., Lokshin I. Modern party systems. Evolution scenarios and development trends. *POLIS. Political Studies*. 2010;3:85-109. (In Russ.)
8. Golos (The voice). Chronicle of Legislature [Internet]. URL: <https://www.golosinfo.org/timeline/> (data obrashcheniya 20 Nov. 2018). (In Russ.)
9. Gelman V. Russian party system transforming. ПОЛИТ.RU. 2008. [Internet]. URL: <http://polit.ru/article/2008/03/14/gelman/> (data obrashcheniya 20 Nov. 2018). (In Russ.)
10. FOM (Public Opinion Foundation). Resource of data: «FOMnibus» – All Russia Survey respondents from 18 and older. 19 October 2014. 43 subjects of Russian Federation, 100 settlements, 1500 respondents. Polling at the place of residence. Statistical error not more than 3,6% [Internet]. URL: <https://fom.ru/Politika/11785> (data obrashcheniya 20 Nov. 2018). (In Russ.)

11. Challenges of the digital future and sustainable development of Russia. Social-political status and demographical situation in 2017–2018. Collective monograph. / Institute of social-political studies of Russian Academy of Sciences. Ed. by GV. Osipov, SV. Ryasantsev, VR. Levashev, TR. Rostavskaya. Moscow, 2018. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; natalivelikaya@gmail.com

Information about the author

Nataliya M. Velikaya, Dr. of Sci. (Politics), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; natalivelikaya@gmail.com